

«НАШЕ КИНО СТАБИЛИЗИРУЕТСЯ, КОГДА МЕНЯ УЖЕ НЕ БУДЕТ НА СВЕТЕ...»

На 85-м году жизни ушел артист Михаил Глузский

Независимый газ. - 2001 - 20 июня - с. 9

ЕГО ДЕБЮТ в кино был удачным: накануне войны в 1939 году на советские экраны вышли сразу три фильма — «Девушка с характером» (режиссер — Константин Юдин), «Минин и Пожарский» (Всеволод Пудовкин и Михаил Доллер) и «Семья Оппенгейм» (Григорий Рошаль). В каждом из них снялся молодой актер, выпускник Школы киноактера Михаил Глузский. Наиболее удачной оказалась роль в фильме Рошала, где им был сыгран юный фашист. Во время войны выезжал в составе концертной бригады на фронт. В пятидесятые годы начинает часто сниматься — в основном в ролях отрицательных героев: то иностранный шпион в «Тайне двух океанов», то есаул Калмыков в герасимовском «Тихом Доне». «За мной утвердилась «репутация» негодяя, — вспоминал артист. — Как только нужно было сыграть белогвардейца или какую-нибудь сволочь, сразу звонили Глузскому». В шестидесятые годы он снимается в череде фильмов о войне: «Живые и мертвые», «Как вас теперь называть?», «В огне брода нет», «На войне как на войне»... Одновременно осваивается и комедийный жанр: успех приносит роль администратора гостиницы в комедии Гайдая «Кав-

казская пленница» (помните учителя Шурика в произнесении горских тостов?!). Потом появились фильмы из золотого фонда советского кино — «Пришел солдат с фронта», «Монолог», «Бег»... Наш разговор произошел на фестивале «Литература и кино» в Гатчине четыре года назад.

— Как обстоят у вас сейчас дела с творчеством?

— Творческая работа сейчас у меня стала в основном театральной: работаю в театре, который называется «Московский театр-школа современной пьесы», играю там в двух спектаклях. Один спектакль называется «Уходил старик от старухи», другой — «Антигона в Нью-Йорке». Это моя основная работа. Параллельно с этим я играю в театре «Современник» в инсценировке «Братьев Карамазовых» Достоевского — «Карамазовы и ад». Постановка Валерия Фокина, играю старца Зосиму... Что касается кинематографа, то в Гатчину я приехал с фильмом, который называется «Мужчина для молодой женщины». Картина снималась почти два года или даже более двух, потому что все время дожидались денег. Картина оказалась в

этом отношении довольно тягучей (я не говорю — мучительной, но тягучей — это наиболее точное определение). Сам я, к сожалению, ее не видел, потому что в день премьеры в Доме кино играл спектакль. Видел только свои сцены.

— Зрители продолжают вас помнить по старым фильмам...

— Спасибо. Я благодарю за память, потому что она — память эта — в первую очередь связана с тем, что я, очевидно, что-то сделал в своей творческой жизни. Те фильмы, в которых я снимался (или часть этих фильмов), запомнились зрителям. Я до сих пор, как французский рантье, стригу купоны своих творческих доходов на воспоминаниях зрителей. С одной стороны, это, конечно, хорошо, что меня помнят: значит, работы были зримые, памятливые. А с другой — жалко, что, к сожалению, помнят только по старым работам. Хотелось бы, чтобы помнили, как в былые времена, по тем работам, которые периодически 2–3 раза в год выходили и в которых я принимал участие.

— Последнее время поступали к вам предложения сниматься?

— Нет, не скажу, что были та-

кие предложения. Кино, мне кажется, меня просто позабыло, как и многих актеров — не только моего поколения. Кино — это момент необходимости: появится, к примеру, сценарий, в котором нужен человек моего типа, с такими-то возможностями, с таким-то возрастом — и, увы, этот возраст определяет мою востребованность или невостребованность в кинематографе.

— Мешает ли старость творчеству?

— Я спокойно отношусь к старости. Не обращаю на нее внимания, потому что ни в чем ее не ощущаю. Хотя на уровне подсознательного где-то скребется мысль, что осталось уже немножко...

— Как вы полагаете, что сейчас происходит с нашим кино?

— Кино сейчас переживает, как вы знаете, как пишут, и зрители, думаю, это ощущают, период спада, если не сказать больше. Зрители не очень-то идут в кинотеатры. Картины по непонятной причине не очень часто появляются на экранах, а пройдя какие-то подводные течения, вдруг возникают на телевидении или на кассетах. Так что период у нашего кинематографа сейчас очень странный — и наше кино

стабилизируется, я думаю, когда меня уже не будет на свете. Я не возлагаю надежд на кинематограф. С моим участием!..

А что касается моей творческой жизни, то я о ней сказал: надеюсь, что в театре появятся еще одна-две-три роли, в которых я буду в очередной раз доказывать, что имею право на ту профессию, которую выбрал в своей жизни и которой честно служил всю свою жизнь.

— Что для вас ближе и роднее — театр или кино?

— Это старый вопрос. Роднее та работа и та удача, которые бывают в спектакле или в фильме. Получился фильм, сложился фильм по всем компонентам — по режиссуре, по операторским делам, по коллективу актеров (кино же делается не одним человеком!), и у тебя была там интересная работа, — значит, тебе хорошо в кинематографе. На сцене театра, конечно, есть то самое главное, чего нету в кинематографе, — соучастие зрителей в том, что происходит на сцене. Естественно, хотя актер должен абстрагироваться от зрительного зала, не смотреть в зрительный зал, не слышать зрительный зал, но дыхание зрительного зала и ка-

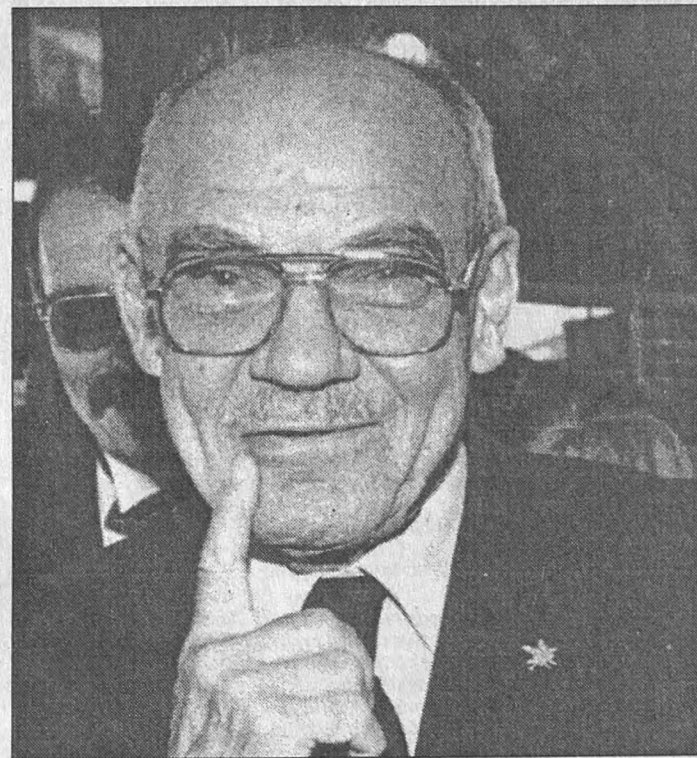
кие-то невидимые флюиды соединяют тех, кто находится на сцене, и тех, кто сидит в зрительном зале. Вот это соучастие гораздо радостнее в театре, чем в кинематографе.

— Человеком движет любовь. Кого вы сейчас любите?

— У меня достаточное количество предметов любви. Собаки, к сожалению, умерли. В пьесе «Уходил старик от старухи» старик, которого я играю, говорит: «Собаку бы завести. Только уже не завести — старость. Старость — это когда уже собаку не завести». Так что заводить собаку в этом возрасте — это оставить со временем собаку одинокой. Собака — это ответственность, она требует к себе внимания, она член той семьи, в которой живет... У меня есть семья — жена, двое детей, четверо внуков. Отношусь ко всем ровно и хорошо.

— «Года к суровой прозе клонят», — говаривал Пушкин. Многие ваши коллеги взялись за перо. Вы написали свою «Жизнь в искусстве»?

— Не написал и не собираюсь этого делать. Потому что, в первых, пишут очень много людей, и, во-вторых, среди них есть те, кто, если понадобится, напишут лучше меня. ■

Михаил Глузский.
Фото Натальи Преображенской (НГ-фото)